

Глава 3. Клеймо «другого»

То, что меня привлекают только мужчины, я понял ещё в старшей школе. Процесс осознания был до смешного прост: я обнаружил, что мне куда интереснее наблюдать за бегущими по полю футболистами, чем за девушками в коротких юбках во время утренней зарядки.

В тот момент я понял, что я — гей.

Принять свою непохожесть на других было легко. Трудно было заставить других принять это.

В одиннадцатом классе мне призналась в чувствах одна девушка. Раньше я бы просто отказал, но в тот раз меня всё это вдруг стало раздражать.

Утомительно притворяться тем, кем ты не являешься.

— Мне нравятся мужчины, — сказал я тогда, решив одним махом покончить со всем, и открыто заявил о своей ориентации.

Новость быстро разлетелась по всей школе и дошла даже до директора. Тот вызвал Бай Цифэна и, извиняясь, предположил, что я, вероятно, просто пытаюсь привлечь внимание взрослых и говорю глупости. В шестнадцать-семнадцать лет у подростков самый бунтарский возраст. Он выразил надежду, что Бай Цифэн, если найдёт время, заберёт меня домой, поговорит по душам и выслушает.

В то время Бай Цифэн ещё не занимал такой высокий пост, как сейчас, но в Хайчэне уже был заметной фигурой. Вызов в школу из-за того, что его сын на весь мир объявил себя геем, стал для него последней каплей. Не дожидаясь, пока мы останемся одни, он прямо в кабинете директора, с перекошенным от ярости лицом, влепил мне пощёчину.

Он был в бешенстве и бил не сдерживаясь. От удара моя голова мотнулась в сторону, в ушах зазвенело, щека загорелась огнём, а зубы до крови прокусили губу.

— Позорище! — прорычал он, указывая на меня. — Чему тебя мать вообще учила? А? Она только и смогла, что уйти в свой монастырь, а тебя сбагрить бабке, так, что ли?

Я вытер кровь с губ и молча слушал его ругань.

— Знал бы я, что ты таким вырастешь, никогда бы не отдал тебя ей!

Директор в панике пытался его успокоить:

— Начальник Бай, успокойтесь, успокойтесь, пожалуйста! Давайте поговорим спокойно, ребёнок ещё маленький, не понимает, что делает, не надо рук распускать.

Я спокойно посмотрел на Бай Цифэна и нанёс удар словами:

— Когда вы с мамой разводились, я был маленьким, но не страдал амнезией. Ты никогда не боролся за опеку надо мной, так что нечего говорить, что «отдал» меня. А мама ушла в монастырь по чьей вине? Не из-за тебя ли?

Конец истории Цзян Сюэхань и Бай Цифэна я застал лично и кое-что помнил. Начало же я знал со слов бабушки.

Вкратце, это была банальная история о богатой наследнице и бедном парне из провинции.

Наследница, ослеплённая любовью, пошла против воли семьи и вышла замуж за нищего юношу. Пока ему нужна была помощь её семьи, он был само послушание и носил жену на руках. Но как только он встал на ноги и нашёл ветвь повыше, то тут же отшвырнул её.

Наследница тщетно пыталась его вернуть, но, узнав, что её муж не просто нашёл себе новую покровительницу и стал зятем в её семье, но и что эта «ветвь повыше» уже ждёт ребёнка, она впала в отчаяние. Оставив дитя своей престарелой матери, она отрёклась от мира и ушла в монастырь.

По словам бабушки, Бай Цифэн сошёлся с моей матерью только из-за её положения. Он лишь использовал её, не испытывая ни капли искренних чувств.

— Ты ещё смеешь пререкаться? Кто из нас тут позорится? И какое право ты, сопляк, имеешь лезть в наши с матерью дела? — Бай Цифэн, униженный перед посторонним, пришёл в ещё большую ярость и попытался прорваться ко мне через директора.

— Не надо, не надо, успокойтесь все! — Директор встал между нами, и на его лысеющей макушке выступил пот.

Я криво усмехнулся:

— Тогда я готов пойти с тобой. Забирай меня домой.

Бай Цифэн замер, и в его глазах промелькнуло замешательство от того, что его раскусили. Мы оба знали: он не может забрать меня домой. Его жена не позволит. Его тесть — тем более.

Повисла напряжённая тишина. Наконец, он опустил руку, поправил одежду и первым отвёл взгляд.

— Легко тебе говорить. А если я заберу тебя, что будет с твоей бабушкой? — даже в такой ситуации он продолжал упрямиться, делая вид, что не забирает меня не потому, что не хочет, а из сострадания к моей одинокой бабушке.

Надо признать, он был мастером выставлять себя невинной жертвой.

В тот день Бай Цифэн отвёз меня домой. Всю дорогу он молчал. Когда мы подъехали к дому и я уже открыл дверь, чтобы выйти, он вдруг окликнул меня.

Он спросил, не делаю ли я это из ненависти к нему, чтобы отомстить и оставить его без наследника.

У него и его второй жены была дочь, но она носила не его фамилию.

Такие мужчины, как Бай Цифэн, кажется, всегда одержимы идеей, чтобы дети носили фамилию отца. Если ребёнок носит фамилию матери, то, даже если в нём течёт его кровь, он всё равно для него «чужой».

И этот человек... Говорят, моя мать полюбила его за утончённость и благородство. Чёртовщина какая-то.

— Нет, я не пытаюсь тебе отомстить... — я вышел из машины, но не стал закрывать дверь. Опершись одной рукой о неё, а другой — о крышу, я наклонился и, улыбаясь, сказал ему: — То, что у тебя не будет наследников, — это твоя карма.

Лицо Бай Цифэна, только что начавшее приходить в норму, мгновенно почернело, а мышцы у глаз задергались.

— Ты...

Не дожидаясь ругани, я с силой захлопнул дверь и убежал.

В вопросе каминг-аута я в полной мере унаследовал от Бай Цифэна его жизненный принцип: «Главное, чтобы мне было хорошо, а на остальных плевать». Семья Янь, моя бабушка и даже Цзян Сюэхань, медитирующая в храме Цзичжу, — я всем без разбора сообщил о своей ориентации.

Мать Янь Чувэня, Чэнь Вань, которую я звал тётушкой Вань, была лучшей подругой моей матери. Когда Цзян Сюэхань, преданная негодяем, в отчаянии ушла в монастырь, тётушка Вань и уговаривала её, и ругала, но всё было тщетно. Тогда она, проникшись сочувствием ко мне, ребёнку, брошенному обоими родителями, стала часто приглашать меня на семейные праздники, даря материнскую заботу.

Ко мне, своему названому сыну, тётушка Вань всегда была снисходительна. Поэтому, хоть моя новость и вызвала в их семье некоторое потрясение, под её руководством они быстро с этим смирились.

Моя бабушка была из знатной семьи, в молодости получила западное образование. Единственным разочарованием в её жизни была моя мать, помешанная на любви. Моё признание повергло её в шок, но она не стала меня ругать. Решив, что во всём виноваты взрослые, она устроила истерику, поочерёдно проклиная Бай Цифэна и Цзян Сюэхань, а потом, после недели молчания, постепенно смирилась.

Цзян Сюэхань же по-прежнему не открывала врата храма, полностью посвятив себя духовным практикам. Дошло ли до неё моё известие, я не знал.

После каминг-аута моя жизнь не изменилась. Тем, кто мне был дорог, было всё равно, гей я или нет. А на мнение тех, кому это было не всё равно, было наплевать мне. Раз мне было наплевать, их мнение не могло меня задеть. К тому же, в выпускных классах нагрузка возросла, я с головой ушёл в подготовку к экзаменам, и мне было не до чего. Так косые взгляды и боль, связанные с моим признанием, прошли мимо меня.

Пролетели годы, и мы с Янь Чувэнем поступили в один университет: он — на юридический факультет, я — на факультет искусств. Наши общежития находились в разных корпусах, но недалеко друг от друга, через дорогу.

Помню, это была вторая неделя учёбы. Всё вошло в свою колею, и я, подумав, что давно не видел Янь Чувэня, написал ему и пошёл к нему в общежитие, чтобы вместе пообедать.

Мы с Янь Чувэнем были друзьями детства, и наши отношения всегда были хорошими, за исключением выпускного класса, когда из-за учёбы мы почти не общались.

В тусклом коридоре дверь в их комнату была приоткрыта. Внутри царил тишина.

Янь Чувэнь говорил, что его поселили в двухместную комнату и что его сосед — человек неразговорчивый. Я почему-то представил себе второго Янь Чувэня — худого, в очках, вежливого, говорящего исключительно о науке.

Я и представить не мог, что он не носит очков, не худой и... совсем не похож на зубрилу.

Сентябрь. Хотя изнуряющая жара уже спала, в столице всё ещё витал душный летний зной. Темноволосый юноша с белоснежной кожей и яркими, выразительными чертами лица сидел в белой рубашке, застёгнутой на все пуговицы. Его лицо, казалось, было создано для бурной жизни, но строгая одежда придавала ему отстранённый, аскетичный вид.

«Ему не жарко в такой одежде?»

Только я об этом подумал, как он, услышав шаги, опустил книгу и поднял на меня глаза.

— ...Вы к кому? — когда он повернулся, я заметил в его левом ухе серёжку с лазуритом.

— Я к Янь Чувэню, я его друг. — Я оглядел комнату, но Янь Чувэня не увидел. Войдя, я дружелюбно улыбнулся юноше. — А ты?..

Услышав, что я друг Янь Чувэня, он немного расслабился.

— Он пошёл за водой. Я его сосед... — он сделал небольшую паузу. — Можешь звать меня Мо Чуань.

Позже я узнал, что его настороженность при первой встрече была вызвана тем, что он принял меня за одного из тех, кто под разными предлогами пытался к нему подкатить.

Шила в мешке не утаишь. Хотя он сам об этом не распространялся, слух о том, что он — будущий Яньгуань народа Цэнлу, быстро разнёсся по университету. Вдобавок к его внешности, это привело к тому, что с начала учебного года в дверь их комнаты то и дело кто-то стучал. Одни просили номер телефона, другие видели в нём духовного наставника и изливали душу, а некоторые и вовсе хотели сделать его объектом исследования, живым экспонатом.

Не знаю, насколько это раздражало его самого, но Янь Чувэнь страдал изрядно. В итоге он пожаловался декану, заявив, что его покой нарушен, а частная жизнь представителя малого народа не защищена, и потребовал принять меры.

Декан отнёсся к этому серьёзно, в тот же день провёл совещание с кураторами групп, и после этого их наконец оставили в покое.

— Меня зовут Бай Инь, — я протянул руку и задал вопрос, который, наверное, задавал каждый, кто видел его впервые: — Ты метис?

Уж что-что, а такой выразительный надбровный рельеф у обычного представителя народа Ся не встретишь.

Он долго смотрел на мою руку, не отвечая и не двигаясь.

Проследив за его взглядом, я понял и, повернув ладонь вверх, сказал:

— А, это не рана, это шрам с детства.

На моей правой ладони от основания до середины тянулся ярко-красный шрам. Я уже не помню точно, как он появился, кажется, упал в четыре или пять лет. После заживления он стал похож на свежую рану.

— Нет, я из народа Цэнлу, — сказал юноша и, протянув руку, коснулся моей своей прохладной

ладонью и тут же отпустил.

— Понятно, — кивнул я.

После этого я сел на стул Янь Чувэня ждать его возвращения, а Мо Чуань снова углубился в чтение. В комнате опять воцарилась тишина.

Янь Чувэнь был прав: его сосед действительно был неразговорчив.

Я скучающе листал ленту в телефоне, время от времени бросая взгляд на спину юноши.

Народ Цэнлу... это те, что в Шаньнане? Кажется, я ездил туда с Янь Чувэнем. В памяти всплыли образы глухой, отсталой и дикой местности. Невероятно, что оттуда мог выйти студент университета...

В сознании возникла пара глаз, полных боли и ярости. Прошло столько лет, я уже забыл лицо того мальчика, помнил лишь, что оно было очень красивым. Глядя на широкие плечи Мо Чуаня и на его белоснежную шею, видневшуюся из-за опущенной головы, я подумал, что, возможно, он был так же красив, как и этот юноша.

Вдруг телефон зазвонил, вырвав меня из мыслей.

— Алло?

В трубке раздался приятный мужской голос:

— Ты где? У меня закончились занятия, пообедаем вместе?

— Я в общежитии у друга, уже договорился с ним пообедать, — я взглянул на Мо Чуаня, но тот по-прежнему был поглощён книгой, так что я не стал уходить.

— Какого друга? Из нашего университета?

— Угу, — промычал я.

— Можно я тоже приду? — осторожно спросил он.

Я был не против, но сначала нужно было спросить Янь Чувэня.

— Я уточню и напишу тебе.

— Хорошо! — он понизил голос и чмокнул в трубку. — Люблю тебя~

Честно говоря, я уже забыл, как его звали и как он выглядел. Помню только, что у него было детское лицо. Мы познакомились на посвящении в студенты. Он набрался смелости, подошёл и спросил, свободен ли я и не хочу ли попробовать встречаться.

В то время меня донимал Бай Цифэн, и я, из чистого упрямства, согласился. Но эти отношения продлились недолго, меньше трёх месяцев. Он сам предложил расстаться, сказав, что я не даю ему чувства уверенности.

Я повесил трубку. В комнате снова слышался лишь тихий шелест страниц.

Внезапно, повинувшись какому-то порыву, я опёрся на спинку стула и спросил:

— Мо Чуань, не хочешь пойти пообедать с нами?

Всё равно, одним больше, одним меньше.

Шелест страниц прекратился. Мо Чуань слегка повернул голову, на его лице промелькнуло удивление. Но оно тут же исчезло, сменившись вежливой, но отстранённой улыбкой.

— Спасибо, но нет. Вы идите.

Боясь, что он подумал, будто я приглашаю его из вежливости, я попытался настоять:

— Пойдём, просто поедем вместе.

— Правда, не стоит.

Видя его непреклонность, я сдался:

— Хорошо, тогда в следующий раз.

Не успел я договорить, как в комнату вошёл Янь Чувэнь с чайником в руках.

— Ты уже здесь? А я как раз собирался тебе звонить, — он поставил чайник на подоконник. — Пойдём в тот ресторанчик у западных ворот, через дорогу. Там отличная свинина в стиле «хуэйго».

Я встал.

— Не против, если с нами будет ещё один человек?

— Кто?

— Мой парень.

Янь Чувэнь был в шоке:

— Всего две недели учёбы, а у тебя уже есть парень?

Я вскинул бровь:

— А что, в нашем университете первокурсникам запрещено встречаться?

— Да нет, просто ты как-то слишком быстро, — смутился Янь Чувэнь. — Я же не подготовился... Мог бы хоть за день предупредить, я бы подарок купил.

Я подошёл и обнял его за шею.

— Мы просто пообедаем. Что за старомодность, какой ещё подарок? Может, мне тебе ещё и официальное приглашение заранее присылать?

Он поправил съехавшие очки.

— Было бы неплохо.

Мы, смеясь и болтая, направились к выходу. Уже у самой двери Янь Чувэнь вдруг остановился.

— Мо Чуань, не хочешь пойти с нами?

— Я... — я уже собирался сказать, что приглашал его, но тут мой взгляд случайно встретился с прохладным взглядом юноши.

Мы с Мо Чуанем неожиданно посмотрели друг на друга. Это длилось, может, меньше секунды, прежде чем он отвёл глаза, но я успел увидеть в его взгляде нечто знакомое.

Это был уже не тот безразличный взгляд, что вначале. Это была тонкая, оценивающая экспертиза по только ему известным критериям, которая в одно мгновение классифицировала меня и наклеила ярлык.

— Нет, — с улыбкой сказал он Янь Чувэню. — Это было бы неуместно.

Это было клеймо «другого».

<http://bllate.org/book/13443/1197027>